

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1980.2.04>

Ю. КИВИМЯЭ

БЫЛА ЛИ НАРВА ГОРОДОМ-ФИЛИАЛОМ ТАЛЛИНА В СРЕДНИЕ ВЕКА?

Представил К. Сийливаск

История возникновения и развития средневековых городов Эстонии содержит еще множество нерешенных вопросов. Один из них — это вопрос о т. н. городах-филиалах (нем. *Tochterstadt*, эст. *tütarlinn*) или, другими словами, о филиальных отношениях между городами. С точки зрения узко правовой истории городами-филиалами можно считать такие, которые пользовались правом одного метропольного города. Таким образом, городами-филиалами Любека были формально все города, получившие любекское городское право, в том числе и Таллин. Кроме того, некоторые из последних в свою очередь имели города-филиалы, т. е. города, получившие любекское городское право первых. Примерами таких городов-филиалов в Эстонии будут Нарва и Раквере. Немецкий историк права В. Эбель утверждал, что Раквере и Нарва были в средние века наделены таллинско-любекским правом и являлись городами-филиалами Таллина.¹

Не отрицая важности городского права в истории средневекового города, надо, однако, обратить внимание на то, что лишь констатирование вопроса.

Во избежание формального исследования вопрос надо ставить по-иному: имел ли факт филиации городского права реальное влияние на функционирование города и можно ли в этой связи говорить о городе-филиале как о действительно существовавшем типе городов? Поэтому в дальнейшем понятие города-филиала трактуется нами в расширенном смысле.

В настоящей статье делается попытка определить реальный статус средневековой Нарвы и в первую очередь оценить характер отношений Нарвы с Таллином. В качестве рабочей гипотезы особый статус Нарвы можно представить следующим образом. Если Нарва была городом-филиалом Таллина в средние века, то, следовательно, развитие Нарвы с момента дарования городского права (а, возможно, и до этого) происходило под контролем и в интересах таллинского купечества: возможности самостоятельного развития и проведения собственной политики были сведены до минимума, судопроизводство и финансовое дело подчинены воле и нуждам магистрата Таллина, магистрат проводил в жизнь проталлинскую политику, а бюргеры представляли экономические интересы таллинского купечества. Анализ этих вопросов имеет существ-

¹ Ebel, W. *Lübisches Recht*. I Bd. Lübeck, 1971, c. 88.

венную важность при оценке нарвской торговли и торговой политики, а также истории средневековой Нарвы в целом.

Господствующая до сих пор в историографии точка зрения эстонского историка А. Сювалепы следующая: «До начала XV века и частично даже позже Нарву нельзя считать полностью самостоятельным городом, она была как бы подсобным предприятием Таллина, имевшим некоторые права упорядочивать свои внутренние дела, зато права распоряжаться во внешних делах были крайне ограничены».² Кроме того, полагаясь на некоторые, к сожалению, неоднозначные факты и предположения, причиной такого положения он считал активное участие таллинского магистрата и купечества в основании Нарвы как города.³ Такое же мнение было высказано П. Йохансенем. Он характеризовал историю средневековой Нарвы как непрерывную борьбу с Таллином за эмансипацию, который уже одним фактом основания этого города-филиала обеспечил себе монопольные права в Нарве.⁴

Приведенные историографические выдержки указывают на правовое своеобразие средневековой Нарвы. Однако статус города-филиала и его влияние на экономическое и политическое развитие Нарвы не стали еще объектом специального анализа. Хотя в составленной А. Сювалепом истории средневековой Нарвы собран ценный фактологический материал и приведен ряд интересных выводов, однако названная проблема не была им подвергнута специальному рассмотрению.

Поиски ответа на поставленный вопрос требуют возвращения к изначальной истории города Нарвы. Только тогда можно выяснить, какова была роль Таллина в основании города.

1. Основание города и дарование городского права

Вопрос о происхождении села Нарвия⁵ и предполагаемого городского поселка на р. Нарове остается из-за недостатка письменных источников преимущественно гипотетическим. Возможности интерпретации сохранившихся грамот в основном исчерпаны А. Сювалепом и П. Йохансенем. Вывод о возможной связи между селом и возникновением поселка является чисто логическим, хотя и вполне вероятным.⁶ Более результативным здесь может быть установление вероятных временных границ, с помощью которых возможно обоснование истории возникновения городского поселка.

Данные Новгородской первой летописи о походе новгородцев через Нарову под Раквере в 1268 г.⁷ доказывают, что в то время ливонские укрепленные сооружения на Нарове отсутствовали. Но уже в 1277 г. Эйлард фон Оберге титулуется себя «*capitaneus per Estoniam, Narviam atque Revaliam*»⁸, т. е. правителем и Нарвы, по всей видимости, нарвского замка. Надобность в закладке замка обоснованно доказывается А. Сювалепом. Он считал, что возникшие в 1270-х гг. затруднения в

² Süvalep, A. Narva ajalugu I. Narva, 1936, с. 273.

³ Там же, с. 12—13, 273—274.

⁴ Johansen, P. Die Bedeutung der Hanse für Livland. — Hansische Geschichtsblätter, 1940/1941, 65/66. Jg., с. 34.

⁵ См. подробнее: Johansen, P. Die Estlandliste des Liber Census Daniae. Kopenhagen, Reval, 1933, с. 510—512.

⁶ Следует добавить, что в таком случае названное село по своему характеру было сходно с типом русского торгового села.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 85.

⁸ Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, hrsg. von Fr. G. v. Bunge. III Bd. № 453a (далее LUB).

русской торговле повлекли за собой в 1278 г. торговый запрет, для проверки выполнения которого и понадобился пограничный замок.⁹ Правда, какие-либо сведения о нем, относящиеся к последним десятилетиям XIII в., до сих пор отсутствуют. Тем не менее, можно полагать, что раньше 1268 или 1277 года о возникновении более крупного поселка говорить нельзя.

Учитывая ускоряющее влияние торговых путей на возникновение поселка, мы исходим из того, что решающим явилось начало более интенсивного использования сухопутных торговых путей. Основной морской путь на восток в первой половине XIII в. шел вдоль южного берега Финского залива и продолжался по Неве. Меньшее значение могла иметь водная дорога через устье Наровы по рекам Росонь и Луга. В принципе, надо учесть и возможность судоходства вверх по Нарове до порогов. С точки зрения морского пути местонахождение Нарвы (14 км от устья Наровы) не было особо благоприятным. Скорее всего, местонахождение Нарвы следует связывать с древней переправой через реку на том же месте и с продолжавшейся на правом берегу реки важной сухопутной дорогой Яма—Новгород (позже Ивангород—Яма—Новгород).¹⁰ Равноправие торговой дороги по суше с морскими путями было признано уже в договоре Новгорода с Ригой и Любеком в 1269 г., хотя сама дорога, ведшая из Ливонии в Новгород, в тексте договора не уточнена.¹¹ Особого внимания заслуживает привилегия короля Эрика Менведа от 9 октября 1294 г., на основе которой в первую очередь любекским и готландским купцам, а также купцам других заморских городов разрешалось пользоваться сухопутной дорогой через Вирландию до Наровы и оттуда в Новгород.¹² Нелишне отметить, что в 1293 г. был основан Выборг, поэтому торговое плавание по Неве в какой-то мере попало под контроль шведских властей.¹³ Следует добавить, что упадок торговли по Неве начался уже в конце 1280-х гг. в связи с частыми грабежами купцов.¹⁴ Поэтому можно полагать, что королевская привилегия 1294 г. явилась реакцией на изменения торгово-политической обстановки на Неве. Таким образом, только начиная с конца XIII в. сложилась описанная торгово-политическая ситуация, которая могла быть причиной возникновения городского поселка на Нарове.

Нехватка источников не позволяет точнее определить характер и правовой статус этого предполагаемого поселка. И нет никаких оснований добавить к этой гипотезе, что мы имеем дело уже с городом. Известные факты о том, что в 1322 г. упоминается в Таллине некий Бернард де Нарвиа¹⁵ и в 1336—1342 гг. — Флорекин де Нарвиа (правда, в 1336 г. *Florekinus, civis in Narvia*)¹⁶, также не позволяют сделать

⁹ Schulbach, A. Daaniaegne Narva. Narva, 1931, с. 18—20.

¹⁰ Bruns, Fr., Weczerka, H. Hansische Handelsstraßen. Textband. Weimar, 1967, с. 772—773; Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950, с. 295. Ср. Rebas, H. Internationella medeltida kommunikationer till och genom Balticum. — Historisk Tidskrift, 1978, № 2, с. 174.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 32.

¹² См. «... per terras nostras, Estoniam, videlicet totam et Wironiam usque ad fluvium Narwa, et deinde versus Nogardiam» (LUB I, № 555). В качестве ориентира здесь дается лишь река Нарова, а это опять-таки доказывает, что крупного поселения к тому времени на берегу реки еще не было.

¹³ См. подробнее: Ruuth, J. W. Viipurin kaupungin historia I. Viipuri, 1931, с. 13.

¹⁴ Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, с. 63.

¹⁵ Das älteste Wittschopbuch der Stadt Reval (1312—1360). Reval, 1888, № 173, с. 22.

¹⁶ Там же, № 538; LUB II, № 775.

определенный вывод о существовании города Нарвы в те годы. А. Сювалеп обратил внимание на упоминание Нарвы в трех грамотах, которые являлись предварительными проектами продажи Эстляндии. Грамота 1329 г. не позволяет точно установить, называется ли здесь Нарва *civitas* или *villa forensis*.¹⁷ В 1333 г. упоминаются замок и город Нарва¹⁸, а в 1341 г. — уже замок и городок.¹⁹ Во всех этих грамотах Таллин, Раквере и Нарва приведены вместе, и основные формулировки повторяются из одной грамоты в другую. Учитывая и некоторую долю деловой демагогии (т. е. преувеличение ценности имеющегося «товара») в широкомасштабных проектах, мы не склонны видеть в этих упоминаниях достоверное доказательство существования города Нарвы.²⁰

Первое достоверное упоминание в источниках городского поселка Нарвы относится к 1342 г. и связано с походом псковичей в Эстляндию. Малая псковская дружина ехала за Нарову и «взяше посад оу Роугодива».²¹ Известие это отражается и в хронике Гонеке. По Гонеке, псковское войско вторглось в город (*Stadt*) 1 апреля 1342 г. во время мессы, так что никто об этом не знал, были убиты жители и сожжен город.²² Нет сомнения, что именно названный посад, возникший у подножья замка (ведь месса происходила в замке), являлся первым этапом развития города Нарвы. Приведенные упоминания города (*civitas, oppidum, stadt*) служат, несомненно, контраргументами к этому выводу, но следует признать, что эти известия не содержат информации для определения функций и местонахождения города. События 1342 г. позволяют установить, что поселок/посад находился у замка, был слабо укреплен (вероятно, просто частякомом либо земляным валом) и не имел собственной (даже деревянной) церкви. Таким образом, скорее всего здесь имел место поселок у подножья замка (явление столь типичное в историческом развитии большинства средневековых городов Эстонии), а не город.

Подвергнутые анализу источники ничего конкретного не говорят также и об участии таллинского купечества в возникновении городского поселка; о роли Таллина в этом процессе можно лишь догадываться на основе немногих дошедших до нас грамот. Следовательно, начало города Нарвы нужно связывать с дарованием ему городского права.

Общезвестно, но отнюдь не общепризнанно, что городское право было дано Нарве грамотой короля Вальдемара IV Аттердага от 25 июля 1345 г.²³ Этим актом король подарил горожанам Нарвы (*oppidani nostri Narvienses*) те свободы и права, которые были даны горожанам Таллина во времена его деда, короля Эрика. Эта формулировка достаточно недвусмысленна, однако в исторической литературе встречаются выводы, что в грамоте содержится намек на более ранний акт пожалования городского права дедом Вальдемара, королем Эриком Глиппингом (1259—1286). Фр. Г. фон Бунге уже в 1877 г. указал на ошибоч-

¹⁷ См. «... cum omnibus et singulis castris, munitiombus, civitatibus, villis forensibus, Revalia, Waesenbaergh et Narwa» (LUB II, № 738).

¹⁸ Ср. «... Narve castrum et civitas» (LUB II, № 755).

¹⁹ Ср. «... castrum et opidum Narwe» (LUB II, № 805).

²⁰ Кроме того, термины *civitas, oppidum, villa forensis* далеко не однозначны. См., например: Andersson, H. Urbanisierte Ortschaften und lateinische Terminologie. Studien zur Geschichte des nordeuropäischen Städtewesens vor 1350. Göteborg, 1971, с. 21—27.

²¹ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 24, 93.

²² Bartholomäus Hoeneke Liivimaa noorem riimkroonika (1315—1344). Tallinn, 1960, с. 72—73.

²³ LUB II, № 834.

ность такой интерпретации.²⁴ Исходя из того, что Раквере получил городское право в 1302 г. на таких же началах, как и позже Нарва (т. е. все те права, какими пользовались таллинцы)²⁵, П. Иохансен считал возможным датировать первоначальное дарование Нарве городского права тем же годом.²⁶ Однако такая точка зрения остается гипотезой, не имеющей фактических доказательств. Гипотетичным является и суждение А. Сювалеп о том, что жалование городского права могло произойти в царствование короля Эрика Менведа (1286—1318) или Кристофера II (1320—1326; 1330—1332).²⁷ Возможность проверки датировки городского права 1345 годом представляют материалы XVII в. В острой борьбе между Таллином и Нарвой из-за торговых привилегий таллинский магистрат составил несколько меморандумов, которые были направлены в Стокгольм. Наряду с «историческими справками» о том, как велась нарвская торговля в старину, к этим меморандумам в качестве документальных доказательств были приложены копии различных привилегий города Нарвы. Самой ранней привилегией городского права Нарвы здесь оказывается только жалованная грамота Вальдемара IV.²⁸ В коллекциях копий городских привилегий магистратского архива Нарвы древнейшей является также привилегия 1345 г.²⁹ Поэтому наиболее достоверным представляется суждение, что более ранней привилегии городского права все-таки не существовало. Но это отнюдь не значит, что упоминаемый в 1342 г. посад не имел никаких прав. Разница в том, что эти первоначальные права были вследствие жалования городского права расширены для нового статуса.

В исторической литературе уделено внимание имеющемуся в жалованной грамоте обстоятельству, что жителям Нарвы дарованы права таллинцев, хотя в принципе это были права Любека. Исходя из этого и опираясь на интерпретацию ряда фактов, А. Сювалеп высказал мнение, что Нарва как город был основан таллинскими купцами. Он считал, что основание города было целенаправленным мероприятием таллинского магистрата создать своему купечеству форпост в русской торговле на Нарове, прежде чем туда проникнут заморские, т. е., по-видимому, любекские купцы.³⁰ Действительно, в одном резком по содержанию письме середины XVI в. таллинский магистрат упрекал нарвитян и делал замечание, чтобы они не забывали, кем был основан город Нарва, подчеркивая заслугу таллинцев.³¹ В XVI в. подобный аргумент носил явно демагогический характер, но, несмотря на это, здесь выясняется любопытная оценка: историческое развитие Нарвы уже не соответствовало первоначальной роли таллинцев в основании города. Отсюда вытекает вывод, что реальная роль Таллина — это, скорее всего,

²⁴ Bunge, Fr. G. v. Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark. Gotha, 1877, с. 149 (сн. 280).

²⁵ LUB II, № 605.

²⁶ Johansen, P. Die Estlandliste des Liber Census Daniae, с. 510; Johansen, P. Der Prozeß des Erzbischofs Michael Hildebrand von Riga mit der Stadt Narva. — Zeitschrift für Ostforschung, 1970, H. 4, с. 678.

²⁷ Schulbach, A. Daaniaegne Narva, с. 31 и след.

²⁸ Таллинский центральный государственный архив (ТЦГА), ф. 230, оп. 1, ед. хр. В. h. 62, л. 473, 473 об.

²⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 3429, оп. 1, ед. хр. 1 (Corpus Privilegiorum Narvensium), л. 1—8; ср. Busse, K. H. v. Fridr. <ich> Conr. <ad> Gadebusch's Auszüge aus den ältern Verordnungen für die Stadt Narva. — В кн.: Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Hrsg. von Dr. F. G. v. Bunge. IV Bd. Dorpat, 1845, с. 68, 71.

³⁰ Süvalep, A. Narva ajalugu I, с. 12—13, 273—274.

³¹ Ср. «...wollen uns velenher, tho J. Ers. naberlich vorstehen de werden gunstiglich tho gemoete fhoren und bodencken worher vnd vonn weme de Narue negest gade ersten geplanted» (ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 258а).

лишь следствие переселения части его купцов в новый город. Поскольку формирование городского бюргерства в средневековье почти всегда происходило и за счет населения других городов, концепция А. Сювалепы не представляется чем-то исключительным.

Привилегией короля Вальдемара IV 1345 г. Нарва при посредничестве Таллина была включена в регион любекского права (между прочим, это самый восточный город, наделенный любекским правом). Каковы могли быть формально-юридические последствия такого посредничества? Общеизвестно, что в средневековье при основании новых городов правовой кодекс метропольного города зачастую вводился не в полном объеме, а сообразно с местными условиями. Не располагая фактами о составлении правового кодекса для Нарвы, можно сослаться на аналогичные примеры из истории основания городов Хаапсалу и Пайде.³² Хотя первоначальный кодекс городского права Нарвы не сохранился, однако можно предположить, что он был подготовлен специально, с учетом условий нового города, и, по всей видимости, содержал некоторые ограничения по сравнению с Таллином.³³ Но если принять во внимание вышеизложенную концепцию А. Сювалепы, то логичнее предположить, что дарованные права должны были в начале способствовать, а не препятствовать развитию купеческой колонии на Нарве.

2. Складочное право Таллина

Прежде чем приступить к выяснению возможных проявлений филиального статуса во внутренней жизни средневековой Нарвы, уместно остановиться на одном важном аспекте в отношениях Таллина и Нарвы. При объяснении зависимости Нарвы от Таллина подчеркивалось, что полученные Таллином в 1346 г. права складского города в ганзейско-русской торговле парализовали нарвскую торговлю и потенциальное развитие всего города.³⁴ Г. Миквиц дал складочному праву Таллина

³² Russwurm, C. Das Schloss zu Hapsal in der Vergangenheit und Gegenwart. Reval, 1877, с. 36; Napiersky, J. G. L. Die Quellen des Rigischen Stadtrechts bis zum Jahr 1673. Riga, 1876, с. XXIII—XXXI; Bunge, F. G. v. Bischof Jacobs Stadtrecht für Hapsal vom Jahre 1294. — В кн.: Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Hrsg. von Dr. F. v. Bunge. III Bd., Dorpat, 1844, с. 265; Johansen, P. Paide linna asutamisest. — Opetatud Eesti Seltsi Toimetused XXX (1). Litterarum Societas Esthonica 1838—1938. Liber saecularis. Tartu, 1938, с. 204—206.

³³ Возможно, это предположение подтверждается и тем, что привилегии Нарвы хранились в Таллине в специальной шкатулке, один ключ от которой находился в Нарве (видимо, в магистрате), а другой в Таллинской Большой (купеческой) гильдии (Süvaler, A. Narva ajalugu I, с. 274). Отмеченное сведение содержится и в протоколе таллинского магистрата от 13 мая 1552 г. (см. также: ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 246).

³⁴ См., например: Tallinna ajalugu 1860-ndate aastateni. Koost. R. Pullat. Tallinn, 1976, с. 101. Подробнее о постановлении ганзейских городов в 1346 г. см. Schlüter, W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911, с. 123; Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte, с. 198—204; Ostensacken, P. v. d. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442. — В кн.: Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Curlands. VII Bd. Reval, 1912, с. 290. Недавно шведский историк Э. Тибберг сделал попытку опровергнуть традиционную интерпретацию названного постановления (см. Tibberg, E. Om villkoren för Moskoviens baltiska handel 1487—1547 och handels roll i utrikespolitiken. I bd. Uppsala, 1973, с. 19—31; он же. Moskau, Livland und die Hanse 1487—1547. — Hansische Geschichtsblätter, 1975, 93. Jg., с. 19). Э. Тибберг полагает, что постановление 1346 г. относится только к возвращавшимся из Новгорода купцам, однако вся средневековая торговая практика говорит об обязательной остановке в Таллине во время приезда с запада.

краткий, но обоснованный комментарий. По распоряжению 1346 г. все товары, шедшие с запада и предназначавшиеся для торговли с русскими, требовалось разгрузить с кораблей в Таллине и только потом можно было направлять их дальше в Нарву на маленьких кораблях (*schute*) или по суше. Таким образом, принудительная перегрузка в Таллине исключала прямое плавание в Нарву, а вместе с тем и конкуренцию Нарвы во внешней торговле. Г. Миквиц обратил внимание еще на один практический момент: большинство иностранных кораблей, разгрузив свои товары в Таллине, возвращались из Таллина обратно на запад.³⁵ В первой половине XVI в. Таллин обосновал запрет на т. н. нарвское плавание тем, что если зарубежные купцы пройдут мимо Таллина, то ничто не может препятствовать им торговать с русскими в Ивангороде, а таким образом ливонские города будут вытеснены из русской торговли.³⁶ Правда, имеются и известия о нарушении как ганзейцами, так и неганзейцами запрета на прямое плавание в Нарву.³⁷ Скорее всего, Таллин не так строго следил за его выполнением. Однако в 1540 г., возобновив запрет на торговлю между гостями, Таллин начал требовать выполнения правил запрета на нарвское плавание.³⁸

Исходя из тогдашнего уровня развития торговли в Нарве, нельзя делать вывод о том, будто бы принятие постановления 1346 г. было преднамеренным антинарвским торгово-политическим актом ганзейских городов, в том числе Таллина. В названное время город Нарва не имел еще самостоятельного значения в русско-ганзейской торговле. Но складочное право Таллина оказывало постоянное влияние на Нарву в течение последующих столетий. Так как свободная конкуренция была невозможна, Нарва оставалась транзитным городом в торговле как Таллина, так и других ганзейских городов с русскими. Складочное право Таллина, хотя и ограничивало развитие Нарвы, но отнюдь не было явлением филиальной зависимости.

3. Судоустройство

Статус средневековой Нарвы как города-филиала, но только в узко правовом смысле, проявлялся в судоустройстве. Судебные дела сперва просматривались в нижнем суде (*Niedergericht*), верхней инстанцией которого являлся магистратский суд (*Obergericht*) Нарвы.³⁹ Но решение последнего можно было обжаловать в магистратский суд Таллина, который по существу был высшей инстанцией (*Oberhof*) судебных дел Нарвы.⁴⁰ Первое известное обжалование из Нарвы в Таллин относится еще к XIV в.: в 1386 г. магистрат Нарвы просил магистрат Таллина пересмотреть дело между Тидеманном Грубе и Клаусом Гроте, на которое имелось уже решение нарвского магистрата.⁴¹ Множество приме-

³⁵ Mickwitz, G. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Helsingfors, 1938, с. 26.

³⁶ ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 172а—173а (письмо магистрата Таллина магистрату Риги от 31 октября 1537 г.).

³⁷ Revaler Stadtarchiv (далее RStA), В. D. 8, л. 234 (письмо магистрата Нарвы магистрату Таллина от 8 июня 1531 г.); ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. В. В. 52 (письмо орденского магистрата Таллину от 6 октября 1540 г.); Süv a l e r, A. Narva ajalugu I, с. 194.

³⁸ ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 11а, с. 73—75 (постановление таллинского магистрата от 3 сентября 1540 г.).

³⁹ Süv a l e r, A. Narva ajalugu I, с. 265.

⁴⁰ См. например: «*Szo juwe er. radt dat hogeste recht baven der Stadt Narve hefft*» (LUB 2. III, № 333; письмо Яспера Линде Таллину от 27 февраля 1508 г.).

⁴¹ LUB III, № 1234.

ров тому, как нарвские судебные дела в порядке апелляции были пересмотрены в Таллине, дает книга решений суда таллинского магистрата — т. н. «Register van afsproken» (1515—1554).⁴² Срок обжалования в Таллин составлял, по материалам процесса Вите и Конрадта (1531), шесть недель.⁴³ Однако из вышеизложенного нельзя сделать вывод, что Нарва абсолютно не имела права апеллировать в Любек. К первой половине XVI в. относится один такой случай. В 1544 г. дело Йоахима Крумхузена с Хансом Варенхейде и Хансом Ременсхагеном на основании протеста первого было послано магистратским судом Таллина для пересмотра в магистратский суд Любека.⁴⁴ Если считать это судебное дело даже исключением в общепринятом судеустройстве, то должны были иметься какие-то правила для дальнейшего обжалования подобных судебных дел. Выяснить их пока не удалось. Но и дело Крумхузена показывает, что из Нарвы можно было апеллировать в Любек только через Таллин.

Таким образом, на примере апелляционного права Нарвы мы имеем дело с филиальной зависимостью. Учитывая приведенное сведение о наличии такой апелляционной практики в 1386 г., можно предположить, что это ограничение должно было быть уже введено в подготовленный для Нарвы первоначальный кодекс любекского права. В истории отношений Таллина и Нарвы в средние века нельзя однако найти ни одного протеста из Нарвы против такого судеустройства. По материалам «Register van afsproken» можно сделать вывод, что если судебное дело касалось только нарвских бюргеров, то при обжаловании в Таллин решение магистрата Нарвы почти всегда оставалось в силе. Поэтому апелляционное право Нарвы можно отчасти объяснить и нуждами практической жизни: близость Таллина как высшей инстанции, меньшие денежные расходы на проведение судебного процесса.

В целом следует отметить, что ограниченное апелляционное право являлось чисто формально-юридическим ограничением, которое хотя и было показателем филиальной зависимости, но отнюдь не имело реального влияния на развитие средневековой Нарвы.

Обзор судеустройства Нарвы остался бы односторонним без учета того обстоятельства, что судебная компетенция магистрата Нарвы была ограничена орденскими властями. В привилегии от 31 октября 1374 г. городу Нарве было указано, что наряду с городским фогтом в нижнем суде должен был участвовать орденский фогт или его заместитель из замка, кроме того, орденские власти должны были получать половину из сумм судебных штрафов.⁴⁵ В конце XV или в начале XVI вв. магистрат Нарвы достиг с комтуром замка соглашения, в котором были перечислены те судебные дела, в обсуждении которых орденские власти должны были участвовать, т. е. последние отказывались от постоянного присутствия.⁴⁶ В 1508 г. орденский фогт вообще отказался от права участия в заседаниях городского суда, а вместо половины сумм судеб-

⁴² Ebel, W. Das Revaler Ratsurteilsbuch (Register van afsproken) 1515—1554. Göttingen, 1952.

⁴³ RStA, B. D. 8, л. 193 (письмо магистрата Нарвы магистрату Таллина от 3 мая 1531 г.).

⁴⁴ Ebel, W. Das Revaler Ratsurteilsbuch, № 836.

⁴⁵ LUB III, № 1097.

⁴⁶ LUB 2. I, № 893. Этот документ сохранился лишь в числе копий привилегий Нарвы, заверенных в 1683 г. Статьи соглашения, видимо, были подготовлены по инициативе магистрата Нарвы. В статьях 4 и 5 повторяется также порядок обжалования из Нарвы в Таллин.

ных штрафов город обязался платить ему 12 рижских марок и один фунт перца в год.⁴⁷

А. Сювалеп подчеркивал дуализм в историческом развитии Нарвы, указывая на то, что, с одной стороны, Нарва зависела от Таллина, а, с другой, от Ливонского ордена.⁴⁸ В связи с последним он в качестве одного из доказательств привел вышеупомянутое ограничение судоустройства Нарвы со стороны орденских властей. Зависимость же от Ливонского ордена кажется совершенно естественной, поскольку верховная власть принадлежала магистру Ливонского ордена как ландесгерру и верховному феодалу. Отсюда совершенно ясно, почему орден имел право участия в обсуждении судебных дел в городском суде Нарвы. Слабость самостоятельной политики Нарвы как маленького города объясняется в свою очередь тем, что орден сохранил свою ведущую роль вплоть до начала XVI в. Для сравнения следует отметить, что в Таллине королевский фогт потерял право участия в заседаниях магистратского суда уже в 1265 г.⁴⁹

4. Финансы

Если считать Нарву городом-филиалом Таллина, то это должно было отразиться в городской экономике, точнее, в финансовом деле. В источниках часто встречаются квитанции и записи о денежных пособиях, выплаченных городской казной Таллина Нарве.

Выяснение более точного бюджета средневековой Нарвы из-за недостатка соответствующих источников весьма затруднительно. Полностью не сохранился, например, такой ценный источник, как средневековые «Kämpereirechnungen». Неясным остается вопрос, какова вообще была роль городской казны. На основании всего лишь одного источника известно, что функции казначея (*kemerer*) исполнял секретарь магистрата.⁵⁰

Данные о финансовом хозяйстве города, которые опубликованы А. Сювалепом, являются недостаточными для систематического обзора и носят случайный характер. А. Сювалеп считал, что такие городские налоги, как бюргергельд и сбор за право варения пива, акцизы с пива, вина и других напитков, т. н. «десятый пфеннинг» с наследства и судебные штрафы составляли небольшую долю в городском бюджете.⁵¹ Учитывая благоприятное местонахождение Нарвы на важных ганзейско-русских торговых путях, можно думать, что большую часть городских доходов явно составляли сборы и пошлины, связанные с транзитом товаров. А. Сювалеп полагал, что более доходным для города являлась весовая пошлина, которую взимали при взвешивании товаров. Само название пошлины или сбора (*waagegelt*) в источниках не встречается. Имеющиеся данные свидетельствуют о значении соли среди прочих товаров. В первой половине XVI в. в Нарве существовало распоряжение, по которому русский купец, покупавший соль в Нарве, должен был платить три денги с ластва соли, если соль покупал немец, тогда сбор составлял три шиллинга с ластва, а если соль была предназначена для

⁴⁷ LUB 2. III, № 361.

⁴⁸ S ü v a l e p, A. Narva ajalugu I, с. 265, 271.

⁴⁹ Johansen, P., Mühlen, H. v. z. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. Köln, Wien, 1973, с. 37.

⁵⁰ RStA, B. D. 8, л. 70 (письмо магистрата Нарвы магистрату Таллина от 18 августа 1522 г.).

⁵¹ S ü v a l e p, A. Narva ajalugu I, с. 270.

перевозки в Тарту, то платили два шиллинга с ластва.⁵² Также известны таксы пошлин на лен, воск и другие товары.

Среди писем нарвского магистрата таллинскому сохранились счета таможенной, т. н. «фунтовой» пошлины (*punthe, punttoll*), взимаемой в 1522—1523 гг. в Нарве.⁵³ Эти записи составил и передал нарвскому магистрату в 1525 г. бургомистр Нарвы Фредерик Корф. Взимал пошлину и другой известный нарвский купец Михаэль фан дем Браме. Ряд купцов (Корт Мейер, Хинрик Тегемейер, Хинрик Витте и др.) платили пошлину по три рижских маркки каждый с товаров общей стоимостью 1500 марок.⁵⁴ Яспер фон Дален платил два шиллинга с одного ластва соли, Томас Фегезак 6 денег с 8 ластов соли, Ханс Витте платил 11 шиллингов с 4 ластов сельди.⁵⁵ В 1522 г. возникли недоразумения с неким Стацием Весселем, который отказался платить таможенную пошлину (6 шиллингов со 100 марок) с жемчужин, купленных им в Нарве.⁵⁶ Любопытно, что до и после рассматриваемого краткого промежутка о взимании таможенной пошлины в Нарве нет никаких данных. Кроме того, ее взимали только в ганзейских городах и в основном для покрытия военных расходов.⁵⁷ Из письма нарвского магистрата таллинскому от 23 марта 1523 г. становится ясным, что магистрат Нарвы совместно с купечеством (*gemene kopman*) был заинтересован в скорейшем окончании взимания этой пошлины и что вообще эта пошлина «задумана и приобретена таллинцами».⁵⁸ В ответном письме Таллина от 1 апреля 1523 г. объясняется, что пошлина будет взиматься до тех пор, пока будут окуплены расходы, по-видимому, на наемников (*angename knechte*), присланных из Таллина в Нарву.⁵⁹ Отсюда следует вывод, что Таллин воспользовался взиманием таможенной пошлины в Нарве как принудительным средством для возмещения сделанных расходов, о чем в конце концов свидетельствует тот факт, что копии счетов таможенной пошлины были посланы в Таллин.

В XV и в первой половине XVI вв. в Нарве существовала еще т. н. сваевая пошлина (*palgelt*).⁶⁰ Для предупреждения кораблекрушений фарватер в устье Наровы обозначали сваями, вбитыми в дно реки. Соответствующее соглашение было достигнуто между Таллином и Нарвой в 1415 г.⁶¹ — видимо, в первую очередь в интересах таллинского купечества. Для вбивания свай таллинская городская казна выплачивала ежегодно нарвскому магистрату небольшую сумму (которая и называлась *palgelt*), а с конца XV в. — неизменно 12 рижских марок в год.⁶² Но *palgelt* называлась и пошлина, которую взимали с кораблей, плывших из Таллина в Нарву. Когда в Нарве в 1437 г. решили построить новый болверк, то за помощью обратились к таллинскому магистрату, который выделил для строительных работ 100 марок, но

⁵² S ü v a l e r, A. Narva ajalugu I, с. 270; ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 250; ед. хр. В. д. 62, л. 330.

⁵³ RStA, B. D. 8, л. 183—185.

⁵⁴ Там же, л. 183, 183 об.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 70 (письмо нарвского магистрата таллинскому от 18 августа 1522 г.).

⁵⁷ Dollinger, Ph. Die Hanse. Stuttgart, 1976, с. 99, 149, 276.

⁵⁸ RStA, B. D. 8, л. 74.

⁵⁹ ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 81а. Причину пребывания кнехтов в Нарве пока установить не удалось.

⁶⁰ Ср. Johansen, P. Umriss und Aufgaben der hansischen Siedlungsgeschichte und Kartographie. — Hansische Geschichtsblätter, 1955, 73. Jg., с. 91; Dollinger, Ph. Die Hanse, с. 277, 463 и след.

⁶¹ ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 251.

⁶² См., например: ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. д. 52, л. 45; RStA, B. D. 8, л. 482 (квитанция 1550 г.); ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. В. Д. 8, л. 1 (квитанция 1552 г.).

арендовал сваевую пошлину.⁶³ В конце XV в. о сваевой пошлине в источниках не упоминается⁶⁴, и, возможно, ее больше не взимали. Только в 1553 г., в ходе острого торгово-политического конфликта между Нарвой и Таллином, нарвские делегаты требовали от Таллина, чтобы в Нарве разрешили взимать сваевую пошлину, ссылаясь на то, что расходы на вбивание свай будто бы превышали ежегодную денежную поддержку Таллина.⁶⁵ Магистрат Таллина отклонил это требование.

Любопытно отметить, что таллинская городская казна выплачивала Нарве денежные пособия и для других целей. Например, нарвской церкви более или менее регулярно выплачивалось 36 рижских марок в год, богадельне св. Георгия — 30 марок в год, часовне св. Антония, которая находилась перед воротами замка, — 3 марки в год.⁶⁶ Пособие часовне св. Антония выплачивалось как рента, фонд которой был учрежден в 1392 г. таллинским комтуром (бывшим нарвским фогтом) Арндом фон Алтена для увековечивания памяти некоего Тиле Растейерве.⁶⁷ В архивных источниках пособия в пользу церкви и богадельни также называются рентой (*kerken rente, armen secken rente*). Оба фонда учреждены, видимо, в первой половине XVI в., хотя причины учреждения остались неизвестными. Однако это не мешает сделать вывод, что описанные денежные пособия (ренты) не являются доказательством финансовой зависимости Нарвы от Таллина. Кроме того, названные суммы слишком незначительны. Хотя следует учитывать, что и доходы города Нарвы в целом были весьма скромными. В корреспонденции Нарвы с Таллином часто встречаются жалобы на нехватку денег, особенно в тот период, когда в Нарве распространились слухи о военной угрозе и магистрат должен был обратиться к Таллину с просьбой послать военное снаряжение и наемников.

Из вышеприведенного следует, что предполагаемый филиальный статус Нарвы в сфере финансового дела не обнаруживается. Можно говорить о том, что какой-то особой финансовой опеки вообще не было, иначе об этом было бы известно по хорошо сохранившимся материалам счетоводства Таллина.

5. Бюргеры и магистрат

Бюргерство средневековой Нарвы было тесно связано с бюргерством Таллина. Даже при поверхностном сравнении имен членов бюргерских семей оказывается, что многие бюргеры Нарвы имели близких родственников в Таллине.⁶⁸ Известен ряд случаев, когда нарвские бюргеры

⁶³ LUB IX, № 121, 302; Kämmererbuch der Stadt Reval 1432—1463. Bearbeitet v. R. Vogelsang. Köln, Wien, 1976, № 296, 341, 495, 505; и др. В 1450 г. сваевая пошлина составляла 1,5% от доходов городской казны Таллина (Johansen, P., Mühlen, H. v. z. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval, с. 69).

⁶⁴ Tallinna linna arveraamat «Städtische Kämmererechnungen» 1463—1507. Koost. E. Siimo. Tallinn, 1971 (машинопись хранится в Научной библиотеке АН ЭССР).

⁶⁵ ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а. 12, л. 250.

⁶⁶ Tallinna linna arveraamat «Städtische Kämmererechnungen» 1463—1507, л. 609, 625, 654, 694 и др.; ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. В. D. 8, л. 2—13 (квитанции за 1543—1556 гг.).

⁶⁷ Das Revaler Pergament Rentenbuch. 1382—1518. Hrsg. v. A. Plaesterer. Reval, 1930, с. 413—415 (№ 1456). Возможно, названный Растейерве погиб во время военного похода под руководством А. фон Алтена за Нарову в сентябре 1369 г. (Süvaley, A. Narva ajalugu I, с. 18).

⁶⁸ Изучение начального этапа формирования бюргерства Нарвы при помощи анализа имен, к сожалению, невозможно из-за недостатка источников.

женились на представительницах бюргерских фамилий Таллина. Тесные личные связи были также вызваны чисто торговыми интересами. Некоторые таллинские купцы в юности учились торговому делу в Нарве (например, Хейзе Патинер⁶⁹). Имеется много сведений о существовании торговых обществ таллинских и нарвских купцов (например, Тоннис Смит в Таллине и его брат Маркус Смит в Нарве⁷⁰).

Особо интересным является обстоятельство, что купцы из Таллинской Большой гильдии имели право владеть недвижимым имуществом в Нарве.⁷¹ При этом таллинские купцы, имевшие дома в Нарве, не были, однако, бюргерами Нарвы (!) и не выполняли никаких обязанностей (сборы) в пользу Нарвы. Большинство этих домов в Нарве пустовало или заселялось только на короткий срок. Все попытки нарвского магистрата облагать эти недвижимости налогами или отчуждать их оказались в первой половине XVI в. безуспешными. Таллинский магистрат лишь многократно обещал дать своим бюргерам — домовладельцам в Нарве — распоряжение заселять пустующие дома. Сохранились два списка недвижимостей таллинских бюргеров в Нарве, относящиеся к первой половине XVI в. В первом из них, датированном 10 маем 1530 г., перечислено 13 домов⁷², во втором (без даты, но явно позднего происхождения) — 14 домов.⁷³ По неточным данным, общее минимальное число домов в Нарве за первую половину XVI в. составляло 40.⁷⁴ Даже если предположить, что это число могло достигать, например, 60, то все равно удельный вес недвижимости таллинских бюргеров в Нарве оставался довольно значительным. Причины и пути возникновения таких недвижимостей трудно выявить. На основе завещания таллинского бюргера Вольмара Брокхузена от 21 июня 1548 г. и его вдовы Катаринекен от 21 августа 1552 г. можно выяснить судьбу одного из этих домов. Вольмар Брокхузен купил в Нарве участок земли у Ханса Вестфала (в 1526 г. был известен его однофамилец, бюргер в Таллине) и построил на собственные деньги дом. Он завещал этот дом детям Ханса Холтхузена (тоже таллинский бюргер).⁷⁵ Таким образом, можно предположить, что большинство этих домов перешло к таллинским бюргерам путем продажи, залогов или наследования.

Сложным является также вопрос о генезисе и составе нарвского магистрата. Установлено, что до Ливонской войны в составе магистрата было 6 ратманов и 2 бургомистра. Такой состав магистрата характеризует Нарву как маленький, по сравнению с Таллином и Тарту, город.

Вывод А. Сювалеп, что в нарвском магистрате существовали две курии, остается неясным и гипотетичным.⁷⁶ Особенно сомнительным кажется существование в магистрате орденового представительства. Приведенные им аргументы эту гипотезу не доказывают.⁷⁷ Второй партией

⁶⁹ Schlippe, B. v. Heise Pattiner. (Versuch einer Biographie). — Baltische Familiengeschichtliche Mitteilungen, 1935, 5. Jg., № 1, с. 2.

⁷⁰ Mickwitz, G. Aus Revaler Handelsbüchern, с. 22.

⁷¹ Süvalep, A. Narva ajalugu I, с. 271.

⁷² RStA, B. D. 8, л. 149—150 (cedula).

⁷³ Там же, л. 190.

⁷⁴ Süvalep, A. Allikaid Narva ajaloo tundmiseks. С. Н. Rodde käsikiri ordu- ja rootsiaegsest majavaldusest Narvas, л. 67—89 (машинопись хранится в библиотеке ЦИГА).

⁷⁵ Seeberg-Elverfeldt, R. Revaler Regesten. III Bd. Testamente Revaler Bürger und Einwohner aus den Jahren 1369 bis 1851. Göttingen, 1975, № 182, с. 170—171; № 198, с. 182—183.

⁷⁶ Süvalep, A. Narva ajalugu I, с. 256.

⁷⁷ Там же, с. 256. А. Сювалеп предполагал, что вскоре после того, как Нарва перешла к ордену (?), харью-вирусские вассалы отказались от своих прав в Нарве в пользу ордена и на основе этого орден получил себе право быть представленным в магистрате Нарвы.

в магистрате он считал тех ратманов, которые одновременно являлись членами Таллинской Большой гильдии. Если верить доводам А. Сювалепы, то вообще нельзя говорить о магистрате как органе городского самоуправления в Нарве. Ясно, что в основе этих выводов лежит его концепция двойной зависимости средневековой Нарвы.

Факты принадлежности нарвских ратманов к членам Большой гильдии и братству черноголовых в Таллине заслуживают особого внимания. По сохранившимся данным, 14 нарвских ратманов были членами Большой гильдии, а 17 членами братства черноголовых.⁷⁸ Вряд ли можно это обстоятельство объяснить только тем, что в Нарве не было своей организации черноголовых⁷⁹ и своей Большой гильдии. Архивные материалы, сохранившиеся в настоящее время в Таллине, к сожалению, не позволяют глубже заглянуть в первопричины названных обстоятельств. Но если даже предположить, что здесь мы имеем дело с одним из проявлений филиального статуса и зависимости Нарвы от Таллина, то должны иметься свидетельства, подтверждающие, что посредством бургомистров и ратманов таллинский магистрат проводил свою политику в Нарве. В действительности же данных о таких действиях в XV и первой половине XVI вв. нет, а некоторые факты свидетельствуют даже о противоположном. Известный нарвский купец Фредерик Корф был в 1494 г. членом братства черноголовых, в 1510 г. отмечен как член Большой гильдии, а в 1512 г. стал бургомистром Нарвы. В то же время он был известен как один из самых последовательных борцов за расширение торговых прав Нарвы (в том числе за принятие города в Ганзу).⁸⁰

Все приведенные данные о бюргерстве и магистрате опять-таки не подтверждают тезиса о филиальном статусе Нарвы.

*

Подводя итоги настоящему пересмотру вопроса о статусе Нарвы как города-филиала Таллина в средние века, нужно отметить, что материал источников нормативного (законодательного) характера требует постоянного сопоставления его с фактами конкретного исторического развития. Только с учетом этого можно дать ответ на поставленный вопрос.

Из представленного изложения следует:

1. Город Нарва, получивший в 1345 г. любекское право, не возник как «предместье» Таллина на Нарове, а имел автохтонный генезис, хотя, по-видимому, таллинцы и играли активную роль в начальной истории города.
2. Складочное право Таллина, хотя и ограничивало потенциальное развитие нарвской торговли, но отнюдь не было проявлением филиального статуса.
3. В судеустройстве Нарвы отмечается формально-правовое ограничение в сфере апелляционного права, хотя в действительности оно не имело никакого влияния на положение Нарвы.
4. В сфере финансового дела также отсутствуют признаки экономической опеки со стороны Таллина.

⁷⁸ ТЦГА, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 14 (Bruderbuch 1500—1581); Süvalep, A. Narva ajalugu I, с. 259—264.

⁷⁹ См., например: Russwurm, C. Nachrichten über die Schwarzenhäupter auf den Schlössern und in den Städten Kurlands, Livlands und Ehtlands. Reval, 1878, с. 24.

⁸⁰ Süvalep, A. Narva ajalugu I, с. 261—262; ТЦГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. А. а., 12, л. 3 об. и 4; RStA, B. D. 8, л. 5.

5. Бюргерство и магистрат Нарвы нельзя считать политическим и экономическим орудием таллинского купечества.

Таким образом, приходится отказаться от предположения, что Нарва в средние века была в сечело городом-филиалом Таллина. Однако это не значит, что вообще нельзя говорить о существовании зависимости Нарвы от Таллина в торговой и внешней политике (ср. непринятие Нарвы в Ганзу). Причины этой зависимости следует видеть не в формально-правовом положении города, а в исторической констелляции торгово-политических сил в Восточной Прибалтике.

Институт истории
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
16/VIII 1979

J. KIVIMÄE

KAS NARVA OLII KESKAJAL TALLINNA TUTARLINN?

Artiklis on tehtud katse lähemalt selgitada keskaegse Narva õiguslikku seisundit. Keskaegsete linnaõiguste filiaalsest levikust lähtudes võib formaalselt kõiki linnu, mis said ühe metropollinna (*resp.* emalinna) õiguse, pidada tolle tütarlinnadeks. Ent viimati nimetatul oli omakorda tütarlinnu, mis varustati esimeste linnaõigusega. Lüübeki õiguse levikualal on keskaegsel Liivimaal sellisteks näideteks Rakvere ja Narva, mida peetakse Tallinna tütarlinnadeks (W. Ebel). Käesoleva artikli eesmärk on analüüsida, kas linnaõiguse filiaatsioonil oli reaalne mõju keskaegse Narva arengule või mitte. A. Süvalepa ja P. Johanseni järgi oli Narva keskajal õiguslikult, majanduslikult ja poliitiliselt sõltuv Tallinnast.

Linnalise asutuse tekkimisele Narva jõe vasakule kaldale andis tõuke Põhja-Eestist üle Narva jõe Novgorodi suunduva maatee kasutamise lubamine Hansa-Vene kaubanduses (Erik Menvedi privileeg 9. X 1294), milles võib näha reaktiooni Neeva-kaubanduse langusele ja Viiburi rajamisele 1293. aastal. Esimesed tõsikindlad teated linnalisest asulast (посад, *Stadt*) Narva linnuse jalamil pärinevad 1342. aastast, mil see pihkvalaste sõjaretke ajal maha põletati. Linnaõiguse (s. o. kõik need vabadused ja õigused, mis olid Tallinnal) sai see asula 25. juulil 1345 Valdemar IV Atterdagi privileegiga ja liitus seega mediaatselt Lüübeki õiguse regioonini. Kui ka eeldada, et Narva rajamine oli Tallinna kaupmeeskonna sihivõtte üritus luua endale Venemaa-kaubanduses sillapea Narva jõe (A. Süvalep), siis ilmnes see esmajoones osa Tallinna kodanike edasirändes Narva. Uuele linnale kohandatud õigused (õiguskoodeks pole säilinud) aga pidid soodustama ja mitte takistama vastse kaubanduskoloonia arengut.

Narva kaubanduselu ja ühtlasi kogu linna arengut piiravaks teguriks peetakse üldiselt Tallinna laokohaõigust. 1346. aastast pärineva korralduse põhjal, mille traditsioonilise interpretatsiooni E. Tiberi küll kahtluse alla on seadnud, tuli läänest saabunud laevade kaubasaadetised Tallinnas sundkorras ümber laadida, mis välistaski otse Narva sõidu (paraku eranditega) ja Narva kaubandusliku konkurentsi Tallinnale. Tallinna laokohaõigus ei tulene aga linnaõiguslikust vahekorrast ning pole seega filiaalstaatuse element.

Narva õiguslik alluvus Tallinnale ilmneb kohtukorralduses: Narva raekohtu otsustele võis edasi kaevata Tallinna raekohtusse (mitte aga otse Lüübekisse), mis oli Narva kohtuasjade läbivaatamise üleminstants (*Oberhof*). Tallinna raekohtu otsuste põhjal võib järeldada, et kui kohtuasi puudutas Narva kodanikke, jäeti apellatsioon rahuldumata ja Narva raekohtu otsus jõusse. Narva piiratud apellatsioonioigust saab seletada praktiliste vajadustega: Tallinna kui üleminstantsi lähedus, väiksemad rahalised kulutused kohtuprotsessis. Piiratud apellatsioonioigus oli puhtalt formaaljuriidiline piirang, sel polnud reaalselt mõju keskaegse Narva arengule.

Kui eeldada Narva kui tütarlinna majanduslikku sõltuvust Tallinnast, siis peaks see väljenduma ka Narva linna majanduses, täpsemini finantsides. Narva rae tulude-kulude täpsem selgitamine pole allikate puudumise tõttu võimalik. 1522—1523 on Narvas võetud transiitkaupadelt erandkorras naelatolli (rakendati teadaolevalt vaid hansalinnades), millest laekunud summad maksti Tallinnale sealt Narva saadetud sõjasulaste palga katteks. Narva jõe suudmeala faarvaatri märgistamiseks maksis Tallinna raad Narvale igal aastal vaiaraha (*palgelt*; 15. sajandi lõpust 12 Riia marka aastas); 15. sajandil Narvas võetud vaiatolli rentis raad 1437. aastal Tallinnale. Tallinna raad maksis regulaarselt väiksemaid

summasid ka Narva kiriku, Püha Jüri seegi ja Püha Antoniuse kabeli heaks; need finantseeringud olid aga Tallinnas asutatud sihtkapitalidelt laekuvad rendid. Nimetatud finantseeringud ei tuvasta filiaalsõltuvust Narva linnamajanduses.

Narva sakslastest kodanikkond oli tihedates sugulus- ja ärisidemetes Tallinna kodanikega. Mitmetel Tallinna kodanikel, kes ise ei kuulunud Narva kodanikkonda, oli Narvas maksuvaba kinnisvara: 1530. aasta loendi järgi 13 maja (Narvas oli sellal u. 40—60 maja). Valdavalt tühjalt seisvate majade maksustamise ja võõrandamise katsed Narva rae poolt jäid tulutuiks. Uhe kinnistu varal võib arvata, et need majad läksid tallinlaste valdusse müümise, pantimise või pärandamise teel. Narva raehärrasid ja bürgermeistreid kuulus arvukalt Tallinna Suurgildi liikmeskonda ja Mustpeade vennaskonda (mõlemad institutsioonid Narvas iseseisvalt puudusid). See asjaolu aga ei tõesta arvamust, et võim Narva raes oli Tallinna-meelsele parteile, kui võrd mitmed eelnimetatud raehärradest ja bürgermeistritest olid Narva kaubanduslike õiguste laiendamise eestvõitlejad.

Kokku võttes: keskaegset Narvat pole alust pidada igakülgsele Tallinnast sõltuvaks tütarlinnaks, kuid ei saa ka eitada linnaõiguse filiaatsiooni ja sellega seonduvat piiratud appellatsioonioigust. Narva kaubandus- ja välispoliitiline sõltuvus Tallinnast (näit. Narva mittevastuvõtmine Hansasse) ei tulenenud linna formaalõiguslikust seisundist, vaid kaubanduspoliitiliste jõudude ajaloolisest konstellatsioonist Ida-Baltikumis.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Toimetusse saabunud
16. VIII 1979

J. KIVIMÄE

WAR NARVA IM MITTELALTER EINE TOCHTERSTADT REVALS?

Im Aufsatz wird der Versuch unternommen, die Rechtsstellung des mittelalterlichen Narvas aufzuklären. Ausgehend von der filialen Verbreitung des mittelalterlichen Stadtrechts kann man formalrechtlich alle Städte, die das Recht einer Metropolestadt (resp. Mutterstadt) erhielten, als deren Tochterstädte ansehen. Doch diese hatten ihrerseits Tochterstädte, die mit dem Stadtrecht von jenen ausgestattet wurden. Auf dem Verbreitungsgebiet des Lübschen Stadtrechts im mittelalterlichen Livland stehen Rakvere (Wesenberg) und Narva, die als Tochterstädte von Reval (Tallinn) angesehen werden, als Beispiele dafür (W. Ebel). Das Ziel des vorliegenden Aufsatzes ist die Analyse dessen, ob die Filiation des Stadtrechts einen realen Einfluß auf die Entwicklung des mittelalterlichen Narvas ausgeübt hat oder nicht. Nach A. Süvalep und P. Johansen war Narva im Mittelalter reichlich, wirtschaftlich und politisch von Reval abhängig.

Den Anstoß zum Entstehen einer städtischen Siedlung am linken Ufer des Narva-Flusses hat die Freigabe des aus Nordestland über den Narva-Fluß nach Nowgorod laufenden Landweges für den hansisch-russischen Handel gegeben (das Privilegium von Erik Menved vom 9. Oktober 1294), worin man eine Reaktion auf den Verfall des Newahandels und auf die Gründung von Wiborg 1293 sehen kann. Erste feststehende Nachrichten über eine städtische Siedlung (russ. посад) am Fuße der Burg Narva stammen aus dem Jahre 1342, wo sie während eines Feldzuges von Pskowern niedergebrannt worden ist. Das Stadtrecht (d. h. alle diejenigen Freiheiten und Rechte, die den Revalern gegeben waren) erhielt diese Siedlung am 25. Juli 1345 mit dem Privilegium von Waldemar IV. Atterdag und schloß sich also mediat der Region des Lübschen Rechts an. Setzt man voraus, daß die Gründung Narvas ein zweckbewußtes Unternehmen der Revaler Kaufmannschaft gewesen ist, sich im Rußlandhandel einen Brückenkopf am Narva-Fluß zu schaffen (A. Süvalep), so zeigt sich das in erster Linie im Umzug eines Teils von Revaler Bürgern nach Narva. Die der neuen Stadt angepaßten Rechte (der Rechtskodex hat sich nicht erhalten) sollten aber die Entwicklung der neuen Handelskolonie nicht hindern, sondern fördern.

Für einen begrenzenden Faktor im Handel von Narva und gleichzeitig in der Entwicklung der Stadt im ganzen wird allgemein das Revaler Stapelrecht gehalten. Aufgrund der a. d. J. 1346 stammenden Verordnung, deren traditionelle Auslegung von E. Tiberg freilich bezweifelt wird, mußten die aus dem Westen gekommenen Warensendungen in Reval zwangsweise umgeladen werden, wodurch eine direkte Fahrt nach Narva (zwar mit Ausnahmen) und Narvas Handelskonkurrenz mit Reval ausgeschlossen wurden. Das Revaler Stapelrecht ergibt sich aber nicht aus dem stadtrechtlichen Verhältnis und ist folglich kein Element des Filialstatus.

Die rechtliche Unterordnung Narvas Reval geht aus dem Gerichtswesen hervor: Gegen die Beschlüsse der Narvaer Ratsgerichts konnte man an das Revaler Ratsgericht

Appellationen einlegen (und nicht direkt an Lübeck), das als Oberhof für Narvas Gerichtssachen galt. Aufgrund der Beschlüsse des Revaler Ratsgerichts kann gefolgert werden, daß die Appellation unbefriedigt und der Beschluß des Narvaer Ratsgerichts in Kraft blieb, wenn die Gerichtssache Narvas Bürger anging. Das begrenzte Appellationsrecht von Narva kann mit praktischen Erwägungen erklärt werden: die Nähe Revals als Oberhof, kleinere Geldausgaben im Verlauf des Prozesses. Das begrenzte Appellationsrecht ist eine rein formaljuridische Begrenzung gewesen und hat keinen Einfluß auf die Entwicklung des mittelalterlichen Narvas gehabt.

Wenn man die Abhängigkeit Narvas als der Tochterstadt von Reval voraussetzt, hätte sich das auch in der Stadtwirtschaft, genauer in den Finanzen ausgewirkt haben müssen. Eine genauere Erklärung der Einnahmen-Ausgaben des Narvaer Rats ist mangels Quellen nicht möglich. 1522—1523 wurden in Narva ausnahmsweise Transitwaren mit Pfundzoll belegt (was bekanntlich nur in Hansestädten in Gebrauch war). Die eingelaufenen Summen wurden an Reval zur Begleichung des Lohns der von dort nach Narva geschickten Kriegsknechte ausgezahlt. Zur Fahrwasserabsteckung im Mündungsgebiet des Narva-Flusses wurde vom Revaler Rat alljährlich Pfahlgeld (*palgelt*) an Narva gezahlt (vom Ende des 15. Jh. 12 Rigische Mark jährlich). Im 15. Jh. wurde in Narva auch Pfahlzoll genommen, welcher schon 1437 vom Rat an Reval gerentet worden ist. Der Revaler Rat hat auch regulär kleinere Summen zur Erhaltung der Narvaer Kirche, des St.-Georg-Siechenhauses und der St.-Antonius-Kapelle gezahlt; diese Finanzierungen sind jedoch Renten von in Reval gegründeten Kapitalien gewesen. Die genannten Finanzierungen weisen in Narvaer Stadtwirtschaft keine Filialabhängigkeit nach.

Die deutsche Bürgerschaft Narvas stand in engen Verwandtschafts- und geschäftlichen Beziehungen zu den Revaler Bürgern. Eine Reihe von Bürgern Revals, die selbst nicht der Narvaer Bürgerschaft angehörten, besaßen in Narva steuerfreie Immobilien: nach der Liste a. d. J. 1530 13 Häuser (in dieser Zeit gab es in Narva etwa 40—60 Häuser). Die Versuche des Narvaer Rates, überwiegend leerstehende Häuser zu besteuern und zu enteignen, blieben erfolglos. Aufgrund einer Liegenschaft in Narva kann man zu der Meinung gelangen, daß diese Häuser über Verkauf, Verpfändung oder Erbschaft in den Besitz der Revaler übergegangen sind. Zahlreiche Ratsherren und Bürgermeister von Narva waren Mitglieder der Revaler Großen Gilde und der Revaler Bruderschaft der Schwarzenhäupter (beide Institutionen fehlten in Narva in selbständiger Gestalt). Dieser Umstand dient aber nicht zum Beweis für die Meinung, daß die Reval-gesinnte Partei die Macht im Narvaer Rat besessen hat (A. Süvalep), da eine Reihe von ihren Mitgliedern Vorkämpfer für die Erweiterung der Narvaer Handelsrechte waren.

Zusammenfassend gibt es keinen Grund das mittelalterliche Narva für eine allseitig von Reval abhängige Tochterstadt zu halten, ohne dabei die Filiation des Stadtrechts und des damit verbundenen begrenzten Appellationsrechts zu verneinen. Die handelsmäßige und außenpolitische Abhängigkeit Narvas von Reval (z. B. die Nichtaufnahme Narvas in die Hanse) hat sich nicht aus der formalrechtlichen Stellung der Stadt ergeben, sondern aus der historischen Konstellation der handelspolitischen Kräfte im Ostbaltikum.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 16. August 1979